

Н. К. Чернышева

Эволюция деятельности братства свт. Гурия Казанского (в конце XIX — начале XX века)

В статье анализируются деятельность миссионерско-просветительского Братства святителя Гурия Казанского, открытого в Казани в 1867 г., вклад в нее Н. И. Ильминского, негативные изменения в жизни братства после его смерти. Братство занималось просвещением нерусского населения в Казанской и соседних епархиях: организовывало начальные миссионерские школы на языках инородцев; вело обширную переводческо-издательскую деятельность; готовило кадры учителей и священников из среды инородцев; заботилось об устройении храмов, православного богослужения для крещеных инородцев на их родных языках и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миссия, просвещение, инородцы, Братство свт. Гурия, сельская школа, Н. И. Ильминский, система Ильминского.

Миссионерская деятельность Братства святителя Гурия Казанского охватывает период с 4 октября 1867 г. (дата открытия братства) до 1918 г., когда оно, наряду с другими православными братствами, было принудительно закрыто новой властью, установившейся после октябрьского переворота 1917 г. Братство действовало на территории Казанской и соседних епархий на протяжении 50 лет, прошло через успешные и кризисные периоды своей истории.

Миссия в Казанском крае в середине XIX в. переживала глубокий кризис. Формальная христианизация народов Среднего Поволжья в предыдущие периоды себя не оправдала, о чем свидетельствовали регулярные волны отпадения крещеных в язычество или ислам, особенно значительные в XIX в. В 30–50-е гг. XIX в. начались поиски новых форм и методов миссии среди инородцев¹. Однако предпринятые действия были

¹ Инородцами в этот период называли нерусскую часть населения указанных территорий.

непоследовательными: даже понимая, что для дела миссии нужны гуманные просветительские меры, миссионеры «прибегали к помощи гражданских властей и более склонялись к мерам принуждения, нежели просвещения и воспитания» [Таймасов, 183]. Ситуация изменилась к лучшему с поставлением на Казанскую кафедру архиеп. Григория (Постникова) в марте 1848 г. Архиеп. Григорий поручил молодому ученому Н. И. Ильминскому² (сотруднику Казанской духовной академии — КДА) собрать более полную и верную информацию о религиозно-нравственном состоянии вверенных ему нерусских приходов. Подробный отчет Ильминского о предпринятом им исследовании Мамадышского, Чистопольского и Спасского уездов лег в основу принятого особым комитетом³ «Проекта миссии для татар». В проекте Ильминский предлагал постепенно путем просвещения располагать новокрещенные народы к христианству, вооружившись максимальным терпением. Проект был отправлен в Синод в 1849 г., получил одобрение, уже тогда он содержал в себе все принципы и основные положения новой миссионерской системы, изменившей вскоре практику миссионерской деятельности в Казанском крае. Впоследствии система была названа «системой Ильминского», так как Ильминский был не только автором проекта, но и лично практически начал его осуществление. В помощь этой деятельности по благословению архиепископа Казанского Антония (Амфитеатрова) в 1867 г. и было основано в Казани Братство свт. Гурия.

История братства, являющаяся частью истории православной миссии в России, актуальна для нас и сегодня, так как миссионерская деятельность остается приоритетной для Русской православной церкви (в соответствии с Концепцией миссионерской деятельности РПЦ 2007 г.) [Концепция]. В стенах церкви до сих пор сохраняется ситуация формального крещения, непонимания богослужения, неясного представления крещеных в православие людей о собственной вере. Это касается не только инородцев или иноверцев, но и традиционно православных людей. Остается проблемой отсутствие научения и окормления новокрещенных со стороны православного духовенства, не хватает

2. Ильминский Николай Иванович (24.04.1822–27.12.1891). Известный востоковед, педагог-миссионер, переводчик, преподаватель Казанской духовной академии, один из основателей Братства свт. Гурия.

3. В составе ректора, инспектора, преподавателей инородческих языков КДА, семинарии и трех протоиереев.

добрых примеров христианской жизни. На этом фоне заметны давление мусульманской пропаганды, усилия со стороны нехристианских религий и сект, отвращающих наших соотечественников от православия. Поэтому сейчас, как и тогда, очень важен внятный, просвещенный голос церкви, ее ясная позиция по многим вопросам современной веры и жизни. Масштаб стоящих перед церковью задач ничуть не уменьшился, для возможности их решения также нужно объединять все живые силы церкви и общества, как это пытались делать лучшие люди церкви на рубеже XIX–XX веков.

Деятельность Братства свт. Гурия Казанского в соответствии с замыслом Н. И. Ильминского

Созданная Ильминским при поддержке архиеп. Григория целостная *миссионерская система* в Казанском крае затрагивала все стороны жизни инородцев. Она включала в себя:

- создание миссионерско-просветительских школ для детей инородцев;
- переводческо-издательскую деятельность на языках инородцев;
- перевод богослужения на их родные языки;
- устройство храмов в селах губернии, богослужение и проповедь на родном языке;
- подготовку преподавателей и священников из инородцев для созданных школ и храмов и др.

На развитие именно этой целостной системы была направлена деятельность Братства свт. Гурия, основанного небольшой группой единомышленников, видевших в утверждении и распространении системы Ильминского выход из кризисной миссионерской ситуации среди инородцев. В прошении на имя архиепископа Казанского Антония (Амфитеатрова) об утверждении устава будущего братства, поданном 20 апреля 1867 г., было сказано о намерениях его учредителей:

Примечая малоуспешность усилий православного духовенства как в распространении и уяснении христианской веры между инородческим населением Казанской епархии, так и в борьбе его с расколом и невежеством простонародия, и видя живое сочувствие и готовность многих членов православного общества жертвовать своим досугом, трудом, опытностью и вещественными средствами в пользу православия, мы предлагаем учредить Братство из всех ревнителей благочестия, по примеру тому, как это делалось (делается

и теперь) в некоторых западных губерниях Империи. Собрав наличные силы и средства епархии к одному центру и осторожно, обдуманно направляя их к предположенной цели, мы надеемся, при помощи Божьей, значительно облегчить труды духовенства, озабочиваемого священнослужением, требоисполнением и своими домашними нуждами, и в то же время достигнуть лучших результатов [Машанов. Обзор, 11].

Выраженные в этом прошении искренность веры, готовность к бескорыстному служению Богу, Отечеству и ближним, готовность жертвовать своим ради большего говорит о подлинно церковной позиции учредителей братства. Создание братства означало для них прямое исполнение повеления Христа ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа»^{*1}. Эта цитата приведена и на символическом знаке братства.

*1 Мф 28:19

Братство сразу же громко о себе заявило, его открытие было воспринято как событие историческое. В память о нем была отпечатана специальная брошюра «Открытие Братства святителя Гурия», которая была разослана всем епархиальным епископам, губернским головам и начальникам губерний, всем учредителям братства и т. д. Кроме архиеп. Антония одним из главных покровителей братства был сам губернатор Казани Н. А. Скарятин. Активно содействовали учреждению и становлению братства видные представители казанского дворянства, купечества, интеллигенции. Хотя братство и пользовалось покровительством архиеп. Антония и казанского духовенства, оно являлось *свободным общественным учреждением*.

Устав разрешал вступать в братство лицам обоего пола и всех званий православного исповедания. Оно управлялось выбранным советом из 12 членов. Обязанностью членов братства было сдавать ежегодный взнос в казну братства в размере 3 рублей. Совет включал председателя, двух его товарищей, казначея, делопроизводителя и рядовых членов. Долгие годы, начиная с декабря 1867 г., председателем братства был попечитель казанского учебного округа П. Д. Шестаков. С первых дней существования братства и до самой своей кончины в совет входил Н. И. Ильминский. Он принимал самое активное участие в его деятельности и фактически был основной движущей силой братства.

Устав определял также основные виды деятельности братства. Он был напечатан в «Известиях по Казанской епархии» (№ 6 за 1867 г.) и включал в себя 28 параграфов, разделенных на 4 раздела:

1. Название, знаки и праздники Братства.
2. Цель Братства.
3. Состав Братства, совет и обязанности членов его.
4. Внутренний порядок и отчетность.

Основной целью братства было утверждение в православной вере уже крещеных инородцев и религиозное воспитание и обучение их детей, а также миссия среди язычников и раскольников (*раскольниками в то время было принято называть старообрядцев*). Братство как миссионерская организация ставило перед собой следующие задачи:

1. Содействие утверждению православия среди крещеных инородцев и воспитание их детей в духе православия. Это подразумевало:

- а) устройство инородческих школ;
- б) преподавание в школах на родном языке;
- в) распространение книг среди инородцев на их родных языках;

г) устройство православных церквей для инородческого населения;

д) содействие в распространении христианского вероучения.

2. Убеждение и вразумление отпавших и заблуждающихся членов православной церкви. Для этого братство осуществляло:

а) заботу и попечение о нуждах членов православной церкви из инородцев, оказывало им материальную и нравственную помощь;

б) заботу об отправлении православного богослужения в пределах Казанской епархии;

в) заботу о поддержании «благолепия святых храмов Божьих» [Устав 1867];

г) содействие и покровительство учреждению школ для православно-русского населения епархии, распространение полезных книг, «развитие в народе здравых понятий, искоренение суеверий» [Устав 1867].

Братство на первое место ставило задачу утверждения православия среди крещеных народов через их христианское просвещение, что полностью соответствовало позиции и практической деятельности Ильминского. Братство стало гарантом и продолжателем его трудов, приняло на себя основную заботу об организации миссионерской работы в Казанском крае.

Н. И. Комаров⁴ так пишет о роли Ильминского в жизни братства:

Н. И. Ильминский был, можно сказать, душою и главным работником братства. Вся инородческо-просветительная деятельность братства обязана своим появлением и развитием этому неутомимому труженику на пользу религиозно-нравственного воспитания и образования инородцев. Нет ни одного важного начинания и дела братского, которое не было бы связано главным образом с именем этого незабвенного деятеля, до самой его смерти [Комаров, № 3, 21].

Понимание целей и задач миссии среди инородцев в рассматриваемый период выразил проф. Казанского университета Н. И. Смирнов: миссия должна нести «христианство для иноверцев», а не «обрусение для инородцев». Иноверца следует сначала сделать христианином, а потом он уже сам добровольно делается русским. Это понимание было подкреплено опытом безуспешного обучения инородцев на русском языке в начале и середине XIX в. [Таймасов, 258]. Подтверждает его правильность ученик Ильминского И. Я. Яковлев, ставший впоследствии известным просветителем чувашского народа. Он свидетельствует в письме к директору Симбирской гимназии и училищ губернии И. В. Вишневному: «...сельская школа научила и воспитала меня в христианской религии, а последующие обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим именем, нисколько не гнушаясь однако именем чувашина и не забывая своего происхождения» [Таймасов, 234].

По официальным данным ко времени создания братства большинство инородческого населения считалось православным. В Казанской епархии 353 760 чувашских крестьян числились православными, и только 6 812 человек исповедовали языческую религию. Но в реальности христианство это было номинальным. Даже в 1871 г., когда трудами братства состояние миссии несколько улучшилось, Ильминский свидетельствовал об этом⁵. Таким образом, конфессиональная ситуация на начальном этапе деятельности братства мало чем отличалась от той, которая была характерна для XVIII — первой половины XIX в. Однако было

4. Николай Иванович Комаров (1796–1853) — симбирский губернатор, действительный статский советник.

5. «Инородцы не знают христианства, они не только не имеют понятия о догматах, о Священном писании, но не знают даже самых главных событий Священной истории» [Смирнов].

и существенное отличие: благодаря трудам Ильминского и поддержке архиеп. Григория были выявлены причины неудач миссии в Казанском крае, а затем создана новая миссионерско-просветительская система. Осуществление ее началось с создания миссионерских школ.

Первой в 1864 г. Ильминский открыл крещено-татарскую школу в Казани (по разрешению губернатора и с помощью В.Т. Тимофеева⁶). Она стала как бы научной лабораторией, опытным полигоном для апробации и внедрения в жизнь идей Ильминского. Опыт первых трех школ утвердил его в правильности избранного метода христианского просвещения инородцев. По замыслу Ильминского, школа должна была стать «орудием борьбы против мусульманства, источником христианского влияния на нерусское население Поволжья» [*Ильминский*, 46]. С.В. Смоленский так писал о первой крещено-татарской школе Ильминского:

Оригинальная Казанская школа так глубоко и точно отвечала прямым требованиям крещеных татар, так блестяще и убедительно отрицала на опыте тогдашнюю духовную и светскую школу, так очевидно не подходила ни к какому ведомству, что надобность изобретения нового «ведомства» стала неотложною [*Смоленский*, 23].

Таким новым «ведомством» стало Братство свт. Гурия Казанского. С его появлением заботы о финансировании существующих школ и создании новых легли на братство. Оно взяло под свою опеку школы, открытые Ильминским. Прежде всего, Центральную крещено-татарскую школу, готовившую учительские кадры для других сельских школ, которые братство стало вскоре открывать в Казанской и в соседних губерниях. Эта центральная школа очень скоро превратилась «в локомотив, потянувший все дело школьного образования крещеных народов» [*Таймасов*, 284]. В новых школах обучение осуществлялось на тех же методических принципах, с теми же программами и учебными пособиями, как и в Центральной крещено-татарской школе.

6. Василий Тимофеевич Тимофеев — старокрещеный татарин из государственных крестьян, у него Ильминский учился татарскому языку. Частные уроки Тимофеева татарским детям (с января 1863 г.) стали зародышем будущей крещено-татарской школы.

Н. И. Комаров подчеркивает роль Ильминского в этой деятельности:

Н. И. Ильминский есть истинный создатель инородческой системы образования, принятой братством для своих школ: ему принадлежит честь теоретической разработки этой системы, ее проведения и применения на деле, а равно энергическая и разумная, основательная, а потому вполне успешная защита ее от разных невзгод и нападений, грозивших часто искажением и даже разрушением этой разумной системы [Комаров, № 10, 20].

Совет братства и сам Ильминский бдительно следили за тем, чтобы миссионерские школы не уподоблялись светским. Главной была организация «внутренней жизни в духе религиозного направления учащихся» [Таймасов, 284]. Школа должна была стать не столько образовательным, сколько воспитательным учреждением, мощным миссионерским институтом, влияющим и на семью, и на сельское общество, позволяющим ученикам усвоить дух и смысл православной веры.

Так как инородческая семья не представляет никаких условий к христианскому воспитанию, то эту воспитательную миссию по отношению к инородцам должна принять на себя школа, а именно первоначальная школа, построенная на особых началах, применительно к инородцам [Ильминский, 46].

В школах Ильминского школьный класс фактически заменял общину, а вера передавалась через школьного учителя, человека верующего, сознательно берущего на себя миссионерские труды, говорящего с детьми на одном языке, желательно выходящего из их среды (так как при этом возникал максимальный уровень доверия к учителю).

О постановке дела в сельских школах свидетельствовал один из активных помощников Н. И. Ильминского в их организации профессор Казанской духовной академии М. А. Машанов:

Во всех братских школах характер обучения был строго религиозный и обучение инородческих детей начиналось всегда на их родном языке... Отступления от этого, зависевшие от неправильной постановки учебного дела учителем, были крайне редки и пресекались, лишь только бывали замечены [Машанов. Обзор, 63].

Многие авторы отмечают семейный характер⁷ братских школ. Между учителем и учеником поддерживались простые, уважительные, доверительные отношения. Телесных наказаний в школах не было. Школы были открыты, доступны для посещения. «Родители и даже посторонние крещеные татары могли приезжать в школу и жить в ней дня два или три. Открытость и доступность школы располагала их к школе» [Таймасов, 283].

Воспитанные в братских школах дети сами становились маленькими миссионерами в своих семьях и селах, так как школа противопоставляла традиционному языческо-мусульманскому воспитанию в семье христианское воспитание в школе.

Чтобы возможным стало такое воспитание, тщательно подбирались учителя для миссионерских школ, в них ценилась не столько ученость, сколько твердость и искренность веры. Требования к ним были очень высокими в смысле нравственности и готовности к свидетельству веры. Вот требования к учителю, исчерпывающе сформулированные Ильминским в письме к одному из своих учеников, ставшему учителем: «Нет ли у тебя, — пишет Ильминский, — хорошенького парня, чтобы он был честный, скромный, ласковый, степенный, умный, богомольный, трезвый, знал бы грамоту основательно, любил бы читать Слово Божие и жития святых...» [Беленчук, 28]. Еще «парень» должен был уметь петь молитвы, знать и уметь рассказать ученикам священную историю, «научать их уму-разуму», останавливать от дурных шалостей, с учениками обходиться приветливо, а со старшими почтительно, быть основательным в своих поступках, «а от вина, блуда, драки, глупых речей и ругательств и матерного слова — Боже упаси! — чтобы всячески и воздерживался и удалялся, чтобы к храму Божьему прилежен был, — словом сказать, чтобы в жизни своей служил полным примером для учеников своих? Если у тебя есть такой мальчик из твоих учеников, то ты мне его прямо присылай для определения его в учителя в деревню Борисково» [Беленчук, 28]. Такой подход знаком нам по посланию ап. Павла к Тимофею, где он излагает требования к епископу: «...епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца...»^{*1}. Это не случайное совпадение. Братство, как и Ильминский, понимало учительство как возвращение церкви, а не как простую передачу знаний, труд учителя воспринимало как служение миссионера,

*1 1 Тим 3:2–5

7. См., например: [Износков, 42].

и таких именно специалистов готовило в своих училищах и школах. Благодаря такой высокой задаче в школах братства царили дружеские и даже братские отношения между учениками и учителями, а также между самими учениками, поскольку строились они на основе общей веры и христианской нравственности. Предполагалось, что, получив образование, ученики сами станут учителями и тоже будут решать миссионерские задачи.

Дружеская атмосфера братских школ не мешала строгой дисциплине в учебе. Несмотря на то, что в школах не было привычной системы контроля — ни отметок, ни журналов, Смоленский свидетельствует о том, что «всякий старался получить поскорее и подтвердить всяких знаний; учили друг друга, сами составляли классы, отделения, группы, чтобы уберечь время учителя... Зато и выходили из этой школы люди совершенно дисциплинированные, скромные и умные. Главное же, выходили из Казанской школы люди кроткие и благожелательные, совестливые и строгие к самим себе. Труд и свобода, впрочем, не могли и дать иных результатов» [Смоленский, 35].

Братские школы, обучающие по системе Ильминского, очень быстро стали популярны среди инородческого населения. Число учеников в них увеличивалось стремительно. Смоленский писал о Центральной крещено-татарской школе: «Школа эта была бесконечно мила народу, и неправильности в ее действиях были прямо немыслимы. Иностранцы стерли бы негодную школу с лица земли сами — без всяких промедлений» [Смоленский, 34].

Уже к 1871 г. действовало 108 братских школ, в Казанской губернии более 50. Школы стали учреждаться не только для татар, но и для других крещеных народов Среднего Поволжья. Братство финансировало их создание, оно было ориентировано на помощь в деле миссии не только в Казанском крае, но и во всем Волго-Уральском регионе. Это было отмечено в отчете обер-прокурора Синода графа Д. Толстого императору за 1870 г., где было сказано, что Братство свт. Гурия пришло на помощь духовенству всего Поволжского края. Архиеп. Казанский Антоний в 1869 г. по результатам обозрения учебных заведений в отчете Синоду писал, что «миссионерские школы благотворно действуют не только на детей, но и на целые населения крещеных иностранцев». Он с удовлетворением отмечал, что «во всех местах, где есть школы, иностранцы не так холодны к делу веры, как те, слуха которых не касается христианское назидание на их природном языке» [Из отчета обер-прокурора, 67]. Архиеп. Антоний стал убежденным

сторонником христианского просвещения нерусских народов на их родных языках и ходатайствовал перед Синодом о поддержке этой формы миссии.

Успешность и популярность школ братства во многом зависела от того, что в первые годы своей деятельности оно неустанно охраняло свои школы «от произвола чиновников» [Беленчук, 35]. Школы не подчинялись ни Училищному совету Святейшего синода, ни директору народных училищ, ни благочинному. Работа учителя, по свидетельству Смоленского, становилась при этом своеобразным творческим служением, дающим настоящее вдохновение.

До начала XIX в. в Казанской губернии не было даже попыток перевода священных и богослужебных книг на инородческие языки, большинство народностей Казанской губернии и смежных с ней областей не имело своей письменности и литературы. К середине XIX в. такие переводы появились, но пользоваться ими было затруднительно.

Чувашский священник К. П. Прокопьев, исследовавший языческую религию чувашей в XIX в., писал по поводу этих переводов:

Переводы христианских книг, изложенные на неправильном, ломаном и уродливом инородческом языке, не могли сделаться популярными среди инородцев и остались лежать в библиотеках учебных заведений или в пыльных архивах сельских приходских церквей⁸.

В течение многих лет изучая жизнь инородцев и их язык, общаясь с ними, Ильминский увидел, «что безграмотные, живущие в захолустьях татары говорят правильным и даже более чистым языком, нежели образованные магометане, а среди полудиких кочевых киргизов он с изумлением нашел хороших говорунов и даже импровизаторов» [Зеленин, 183]. Он понял, что переводы нужно делать на народном языке, «переводить как можно проще, прямее, естественнее, объяснительнее и применимее к быту, положению и пониманию инородца» [Зеленин, 188]. Пришлось изменить и саму письменность. Вместо арабского алфавита Ильминский предложил использовать кириллицу. Он считал, что

8. См.: Прокопьев К. Религиозное состояние инородцев до распространения среди них просветительной системы Н. И. Ильминского // С. Чичерина. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1905. С. 115.

кроме внятности перевода это поможет сохранить особенности народных языков, которые испытывали сильное влияние магометан, сможет уберечь их от «мусульманской татаризации» [*Рождествов*, 29].

Братство свт. Гурия придавало переводческо-издательскому делу, как и развитию школьного образования, первостепенное значение. С самого начала переводческая деятельность братства была свободна от петербургской цензуры, цензорами были сами члены совета братства. Успешность этой деятельности привела к тому, что в 1875 г. при братстве была создана Переводческая комиссия. Она была основана Православным миссионерским обществом и изначально, в отличие от братства, могла действовать на территории всей страны. Первым председателем комиссии стал Ильминский, ему было разрешено самостоятельно набирать сотрудников.

За первые 17 лет деятельности Переводческой комиссией было выпущено 846 280 экземпляров книг на 14 языках. Наибольшее число книг издавалось на татарском и чувашском языках, т. е. на языках тех народов, которые были более подвержены воздействию ислама.

Архиеп. Антоний был согласен с Ильминским, что нерусские приходы должны иметь священников из этого же народа, и много внимания уделял подготовке таких священнослужителей [*Рождествов*, 247]. Ему удалось восстановить в Казанской семинарии преподавание местных языков.

24 февраля 1868 г. архиеп. Антоний издал распоряжение, в котором говорилось, чтобы «священники инородческих приходов не только не препятствовали, но, напротив, со своей стороны всячески содействовали совершению чтения молитвы Господней и других церковных молитв на языке прихожан и старались, чтобы и диаконы, и причетники были у них к этому способные» [*Зеленецкий*, 282]. В этом же распоряжении он призывал духовенство употребить все возможные меры, чтобы учащиеся приходских школ, и особенно школ, учрежденных Братством свт. Гурия, причащались к чтению и пению на своем родном языке как при церковном богослужении, так и при службах, совершаемых в домах прихожан в праздники или по случаю каких-либо треб. В 1869 г., посетив несколько чувашских и марийских приходов, архиеп. Антоний писал: «Чуваши, слыша прославление величия Божия на своем родном языке, видимо, одушевлялись духом молитвы. Вообще, нельзя не заметить, что христианское просвещение делает

видимые успехи в самых неразвитых еще инородческих племенах» [Зеленецкий, 282]. В 1874 г. архиеп. Антоний издает еще одно распоряжение, предписывающее читать проповеди и поучения новокрещеным на их языках. К 1878 г. было рукоположено 9 священнослужителей-инородцев, к 1905 г. число их в Казанской епархии возросло до 68, а в Симбирской священников-чувашей насчитывалось уже 140 человек [Зеленецкий, 282].

Рукоположение священников из инородцев вызвало противодействие местного сельского духовенства, которое к тому времени по выражению Таймасова «превратилось в особую привилегированную социальную группу. Оно оберегало свою исключительность в крестьянской среде. Клирики, как и вообще многие русские люди, смотрели на своих “крещеных инородцев” свысока, считая их людьми более низкого социокультурного уровня» [Таймасов, 248]⁹. Новая система ломала сложившийся порядок передачи церковных должностей по наследству, «она, по существу, создавала конкуренцию — священнослужители из среды нерусских народов разрушали кастовую монолитность сельского духовенства» [Таймасов, 248–249]. Вопрос был настолько острым, что вызывал разногласия даже в совете Братства свт. Гурия. В 1881 г. в одном из писем к архиепископу Казанскому Сергию (Ляпидевскому) Ильминский пишет:

К прискорбию нужно сознаться, что у нас, членов Совета Братства, под видимым единодушием и согласием таится разномыслие по некоторым существенным вопросам. Я, например, тяну инородцев, а некоторые сочлены готовы в этом видеть ущерб и порицание русскому духовному сословию [Таймасов, 259].

В связи с постоянной критикой идеи инородческого духовенства нельзя было допустить ее дискредитации, необходимо было следить за качеством поставляемых инородческих кадров. Ильминский добивался того, чтобы выпускники миссионерских учебных заведений сначала получали преподавательскую практику в миссионерских школах, а затем, по результатам их деятельности, выявлялись те, кто был достоин священнического или дьяконского сана. Этот вопрос требовал постоянного контроля, и Ильминский практически взял на себя обязанности «инород-

9. См. также: [Машанов. Религиозно-нравственное состояние, 37].

ческого архиерея» [Яковлев, 186]. К.П. Победоносцев во время посещения Симбирской чувашской школы как бы шутя сказал И.Я. Яковлеву: «Кто вас венчал? Николай Иванович что ли?.. Ему что не венчать? Он архиереев сажает на места. Он сам более чем архиерей. Он патриарх» [Яковлев, 211–212]. В словах обер-прокурора содержалась значительная доля правды, так как Ильминский, как никто другой, вникал во все вопросы церковной деятельности в нерусских районах, заботился обо всех, а особенно о наименее благоприятных с миссионерской точки зрения приходах. Его забота о нерусском православном духовенстве отражена в его переписке с архиереями и обер-прокурорами.

Еще до основания Братства свт. Гурия Ильминский обращал особое внимание на то, чтобы его начинания имели законные основания, и это ему удавалось, хотя вокруг его имени и его системы с самого начала велись яростные споры.

Острая борьба вокруг идей Ильминского в 60-х гг. XIX в. закончилась победой его сторонников. «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. положили начало использованию родного языка в начальном образовании нерусских народов в государственном масштабе; открыли доступ к получению элементарной грамотности массам нерусских народов, живущих в России; послужили толчком к изданию книг на родных языках нерусских народов и подготовке кадров учительской интеллигенции среди них [Машанов. *Религиозно-нравственное состояние*, 11].

Особую роль играла поддержка таких людей, как обер-прокурор Св. синода гр. Д. А. Толстой (а затем К. П. Победоносцев), уже упомянутый выше архиеп. Казанский Антоний (Амфитеатов), попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков (ставший председателем Братства свт. Гурия вскоре после его открытия). Благодаря их поддержке, высокому авторитету самого Ильминского, как выдающегося ученого и просветителя, ходатайству многих его единомышленников и сподвижников¹⁰ правительство всерьез обратило свое внимание на его миссионерско-просветительскую систему. В народной школе оно увидело «одно из действительных средств к предупреждению окончательного господства ислама и татарства в пределах православной Руси» [Смоленский, 27].

10. Таких, как казанские деятели и ученые Н. И. Золотницкий, И. А. Износков, священники М. М. Зефирова, Е. М. Малов и др.

Итак, мы видим, что труд Ильминского оказался очень своевременным, поскольку реформирование сложившейся миссионерской практики требовало выработки именно новой и последовательной *системы*. Труды Ильминского стали фундаментом будущей деятельности Братства свт. Гурия. Совместные усилия Ильминского и братства в первые 25 лет его деятельности привели к положительному изменению всей миссионерской ситуации в Казанской и окружающих ее епархиях.

Братство свт. Гурия Казанского было не единственным православным братством. В конце XIX — начале XX в. стали во множестве появляться православные церковные организации и братства, призванные помогать официальным структурам в решении различных церковных проблем. Все братства учреждались по благословению епархиального архиерея после согласования устава с губернским начальством. Обычно братства создавались при больших приходских храмах или кафедральных соборах, при монастырях или архиерейских домах, они могли иметь отделения при храмах епархии. Однако Братство свт. Гурия, крупнейшее в Казанской епархии, в этом ряду уникально. Прежде всего тем, что «ни одно из открытых после Антония в других епархиях братств не было задумано так широко» [Чичерина, 13]. Его миссионерская деятельность представляла собой целостную систему просвещения инородцев, затрагивающую все стороны их жизни. Разработанная Ильминским система вследствие успешной деятельности братства на рубеже XX в. была принята на вооружение во всех регионах России. Братство занималось широким кругом вопросов: миссией, просвещением, школьной и преподавательской деятельностью, переводами и издательскими трудами, благотворительностью и другим. Эта деятельность находилась в контексте происходящего в стране пробуждения общественного сознания, видящего в просвещении путь к укреплению и оздоровлению российского общества. Опиралась эта система на живую православную веру руководителей и активных членов братства, на искреннюю заботу о малых народах, на апостольские традиции миссии.

Характерной особенностью братства было постоянное стремление к независимости проводимой им миссионерской деятельности от гражданской и духовной властей. Как и сам Ильминский, руководство братства считало необходимым вести *дело миссии как дело общественное*, с участием разных слоев общества, обязательно верующих людей, как духовенства, так и мирян.

Распространение православия должно быть результатом бескорыстного одушевления православного общества, тогда оно будет успешным.

Размах деятельности Братства свт. Гурия можно оценить, в том числе, по его взаимодействию с Православным миссионерским обществом, действовавшим в масштабе всей страны, поскольку много лет (с момента основания по 1903 г.) Переводческая комиссия Православного миссионерского общества работала при Братстве свт. Гурия и руководили ею члены совета братства.

Изменения в миссионерской деятельности братства после смерти Ильминского

После смерти Ильминского (27 декабря 1891 г.) ситуация с миссией в Казанском крае и ситуация внутри Братства свт. Гурия сильно изменились. Если в период самой активной и успешной деятельности братства ее определяли сторонники и последователи Ильминского, то после его смерти взяли верх враги и противники его системы.

Успехи миссионерской работы братства, ее несомненные добрые плоды не уберегли братскую миссию от противодействия различных сил. Среди членов братства, учеников и друзей Ильминского не оказалось человека, способного отстаивать его взгляды и позицию так же убедительно и последовательно, как и он сам. Растерялся даже директор Казанской учительской семинарии А. А. Воскресенский, который заявил, что, возможно, время Ильминского уже прошло [Беленчук, 32]. Детище Ильминского, Центральная крещено-татарская школа, которую много лет окормляло Братство свт. Гурия, при его приемнике Н. А. Бобровникове «стала работать по программам двухклассной русской церковноприходской школы. Новый директор не сумел успешно защитить народную школу от нападков административных органов Казанского края; он не пользовался таким же безусловным влиянием в педагогическом мире, как его предшественник» [Беленчук, 32]. Известный историк педагогики Н. В. Чехов писал, что после смерти Ильминского, формально существуя, школы Ильминского изменили свой характер и цель образования [Чехов, 175–185]. В школах стало больше русского языка, а из Казанской учительской семинарии были изгнаны все преподаватели из инородцев. Как бывает в таких случаях, начались многочисленные проверки, инспекции братских школ системы

Ильминского. В 1903 г., после очередной инспекции, в «Московских ведомостях» вышла разгромная статья С. Краснодубровского, практически сводившая к нулю все достижения казанского просветителя [Беленчук, 32]. Доказательства обоснованности системы Ильминского, успешный опыт ее применения, мнения его учеников и последователей были забыты, и к решению проблемы просвещения инородцев приступили как бы заново, без учета прошлого опыта.

Эта ситуация иллюстрирует мнение проф. П. В. Знаменского об одной из неизбывных бед русской действительности — о постоянной «забывчивости» общества, общественных и административных деятелей, которые редко знают, что говорилось и решалось по известному делу до них, что было уже проработано и понято. Поэтому они постоянно повторяют «все прежние недоумения и ошибки» к величайшему вреду для правильного развития самого дела. Проф. Знаменский с горечью констатировал:

Замечательно, что в различных современных толках об инородческих школах и системе инородческого образования почти буквально повторяются все одни и те же недоумения и возражения, а также и самые решения и ответы, которые специально и обстоятельно обследованы и литературными, и общественными, и административными органами вот уже 23 года назад. [Знаменский, 221].

Революция 1905 г., сильно повлиявшая на общественную атмосферу, и последовавшие за ней государственные акты 1906–1907 гг. («Правила о начальных училищах для инородцев») резко перевесили чашу весов в другую сторону. Они распространили систему Ильминского не только на языческие народы, но и на «национальности, принадлежащие к другим мировым конфессиям, против чего неоднократно выступал сам педагог» [Беленчук, 33].

Ошибочность предпринятых попыток распространить систему Ильминского на приверженцев других конфессий вскоре стала очевидна. Вывод сделали кардинальный: правилами 1913 г. система Ильминского была «фактически свернута, и в инациональном просвещении полностью победил административный централизованный подход. Просуществовав более полувека и сослужив огромную службу стране, деятельность и взгляды просветителя были преданы забвению, а позже значительно искажены» [Беленчук, 33].

Негативную роль в жизни и деятельности братства после смерти Ильминского сыграло введение в устав братства первой поправки (которая была принята еще при жизни Ильминского). В 1883 г. на общем собрании братства архиеп. Казанский Палладий предложил отменить избираемость председателя братства, а всегда назначать на эту должность Казанского викария. В собрании никто не смог возразить архиепископу, предложение было принято и введена соответствующая поправка в устав. Однако при жизни Ильминского поправка эта не имела негативных последствий, хотя и вызвала некоторые трудности. Дело в том, что викарии в Казанской епархии часто менялись, их назначали из отдаленных местностей, они мало были знакомы с условиями жизни в крае, кроме того в основном были заняты управлением. При жизни Ильминского вся миссионерская работа в крае, как и прежде, определялась, согласовывалась и велась, прежде всего, Братством свт. Гурия (или с его участием). Хотя каждый очередной викарий с 1883 г. и становился председателем братства, но, благодаря авторитету Ильминского, вынужден был считаться с его весом и опытом в деле миссии. Все вопросы выносились на советы братства, и принятые решения согласовывались затем с правящим архиереем. Тяжелые последствия, связанные с введенной в устав поправкой, обнаружились уже после смерти Ильминского, когда авторитет братства стал неуклонно падать, и не нашлось фигуры, способной, как Ильминский, представлять братство по всем вопросам.

Викарные архиереи обычно не успевали вникнуть в дела епархии и братства. Они заведовали назначением псаломщиков, председательствовали в епархиальных училищных советах, но, будучи председателями Братства свт. Гурия, независимо от компетенции оказывались вершителями всех его дел. В этой череде председателей-временщиков было лишь два счастливых исключения. Одно из них — еп. Иоанн (Алексеев), но он после недолгого председательства в братстве был переведен в Полтавскую епархию. Вторым исключением стал еп. Андрей (Ухтомский), назначенный в 1907 г. викарием Казанской епархии (о его деятельности в качестве председателя братства будет сказано ниже).

Особенно осложнилась ситуация после полного изменения устава братства в 1898 г., когда не только председатель, но и 5 из 11 членов совета братства стали назначаться архиеп. Казанским с оговоркой, что помощник председателя совета братства должен быть «духовным лицом» [*Устав 1898*, 8]. Сверх 11 членов совета

в состав его должны были входить еще два представителя Казанского губернского земства¹¹. В практику вошло обязательное членство в братстве всех служащих епархии по духовному ведомству. В результате введенных изменений общее собрание братства окончательно потеряло всякое значение, поэтому в 1903–1904 гг. оно даже не созывалось [Машанов. *Ответ*, 14].

С изменением ситуации в братстве переменялись и отношения к нему в обществе. Само епархиальное начальство стало относиться к нему как к подчиненному казенному месту. Отчеты миссионеров перестали поступать в братство, чего не бывало со дня его основания. При таком положении дел, когда братство потеряло силу и влияние и попало в полную зависимость от епархиальной власти, от него отделилась Переводческая комиссия (26 июля 1903 г.) и Противораскольничье отделение, состоявшее из 104 членов. В 1905 г. братство пришло в такое печальное состояние, что в нем осталось только 19 добровольных фактических братчиков, а сумма членских взносов упала до 62 руб. в год. Число добровольных фактических членов братства за предыдущую его историю также сильно колебалось, но никогда не было таким мизерным. А. Н. Понятов дает в своей диссертации такие цифры (по результатам анализа отчетов братства): в 1-й год существования братства зарегистрировано 468 братчиков и 116 сестер, затем по 1873 г. в нем состояло до 920 братчиков и 212 сестер. С 1873/4 гг. заметно резкое сокращение его численности: с 400 братчиков и 43 сестер в 73/4 гг. до 194 братчиков и 34 сестер в 1875/6 годах. Понятов предполагает, что это связано с тем, что многие братчики перестали платить взносы [Понятов, 96].

Дело осложнялось также интригами вокруг и внутри братства. Так, в 1905 г. вслед за обычной ревизионной комиссией была назначена Чрезвычайная ревизионная комиссия, опубликовавшая свой отчет в печати и представившая деятельность братства в самом неприглядном виде. Машанов посчитал необходимым дать публичный ответ и опубликовал его отдельной брошюрой. В нем он постарался показать всю несостоятельность обвинений и выводов, приведенных в докладе комиссии:

11. В виду того, что земство ежегодно ассигнует в распоряжение совета 1000 руб. на братские школы. В примечании сказано, что в совете братства могут иметь своих представителей и другие учреждения, «оказывающие материальную поддержку Братству на сумму не менее 500 руб. в год».

В этом докладе, прежде всего, поражает исключительно канцелярская точка зрения. Полное игнорирование живого слова и живых людей. Чрезвычайная Ревизионная Комиссия ведет дело так, как будто имеет дело с документами, присланными с другой планеты [Машанов. *Ответ*, 17].

Например, комиссия написала, что из делопроизводства не видно, были ли сношения у братства с Переводческой комиссией (которая существовала при братстве с 1875 г.) Но в совете братства постоянно заседало три члена Переводческой комиссии, с кем они должны были переписываться? «Если бы при таких условиях было какое-нибудь делопроизводство, то это было бы чистейшим позором для Братства», — пишет Машанов. Комиссия ставила в упрек братству тот факт, что в течение года было проведено мало (всего 8) заседаний совета, видимо, не подозревая, что «сущность дела состоит в работе г.г. членов вне заседаний» [Машанов. *Ответ*, 17]. Таким образом, общей тенденцией доклада комиссии было представить православное благотворительное общество некой канцелярией: протокол — журнал — дело. «А люди? — людей не надо: приказать всем служащим по духовному ведомству быть членами Братства, и кончено». Но такой подход не имеет отношения к миссии: «Миссионерское и благотворительное дело совершается сердцем человека», — с болью пишет Машанов [Машанов. *Ответ*, 17].

Как мы видим на этом примере, в начале XX в. братство и система его руководства находились в глубоком кризисе, как и вся православная миссия в Поволжье. Кризис этот только усиливался по мере либерализации российского общества, особенно после указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., послужившего началом новой волны отпадения крещеных инородцев в ислам и язычество. Возможно, история братства и закончилась бы в этот период нестроений, но в Казанской епархии появился иеромонах Андрей (Ухтомский)¹². В 1907 г. архим. Андрей был рукоположен в епископа Мамадышского, викария Казанской епархии, с сохранением прежних обязанностей. Назначение автоматически сделало еп. Андрея и председателем Братства свт. Гурия. С этого момента

12. Иеромонах Андрей (Ухтомский) в 1899 г. в сане архимандрита назначен смотрителем Казанской миссионерской школы. Вскоре стал настоятелем старинного Свято-Преображенского монастыря в Казани.

неожиданно начался новый период оживления миссионерской деятельности братства.

Новый vikarий вел строгую аскетическую жизнь, выделялся бесстрашием и полным бескорыстием, он не только пользовался доверием епархиального начальства, но и завоевал любовь и доверие своей паствы. Его почитали как замечательного духовного наставника и истинного христианина. Епископ Андрей отличался активной позицией, много трудился, чтобы поправить состояние миссионерской работы в Казанской епархии, печатал журналы и брошюры, в которых поднимал многие вопросы церковной жизни. За короткое время благодаря своим неустанным миссионерским трудам еп. Андрей стал широко известен в Казанской епархии и зарекомендовал себя в качестве убежденного и последовательного проводника и защитника системы Ильминского. Новый vikarий не просто строго «следовал духу и букве системы Ильминского, но и всячески развивал ее в направлении усиления социальной и миссионерской составляющих» [Алексеев. *Епископ*, 51].

Приняв в 1907 г. председательство в совете Братства свт. Гурия, еп. Андрей отметил его глубокий кризис. Только энергией и усилиями еп. Андрея постепенно удалось оживить деятельность братства. Начал он с того, что опубликовал статью-обращение «О будущей деятельности Братства свят. Гурия» в газете «Известия по Казанской епархии» № 41 за 1907 г. Фактически это был крик о помощи. В обращении еп. Андрей пишет:

Призванный волею Божиею стоять во главе Братства святителя Гурия, считаю нравственною обязанностью сообщить членам этого великого по своей идее общественного учреждения свои мысли о настоящем и предположения о будущем Братства [*Известия*].

Отмечая, что братство в прошлом было центром духовного одушевления всех верующих и украшением Казани, еп. Андрей вынужден сказать, что оно постепенно дошло до того, что сотрудники братства «стали ограничивать свои обязанности к нему только молчаливым посещением общих собраний». Теперь и это время прошло, братство «переживает настоящий кризис», оно вынуждено «жестоко» сократить смету на братские учреждения. Таким образом, наступающий «1908 год будет печальным годом явного падения деятельности Братства святителя Гурия» [*Известия*]. Предположения о будущем братства «опираются только

на твердое мое убеждение, что русское сердце добрых казанцев не может остаться равнодушным к великому, святому делу, начатому святителем Гурием» [*Известия*]. Епископ Андрей выразил надежду на то, что «любовь ко Христу и к страждущей меньшей братии объединит нас всех и воскресит первоначальное Братское одушевление... Нельзя допустить, чтобы школы христианские, эти лучшие светильники, гасли на наших глазах» [*Известия*].

В дальнейшем еп. Андрей вместе с оставшимися братчиками усилил работу по дальнейшему продвижению на местах обучения и воспитания детей инородцев по программе Ильминского. Епископ активно участвовал в этой деятельности лично, привлекал широкий круг лиц. Он не только требовал строгого выполнения программ по системе Ильминского, но и «решительно пресекал формальный подход к миссионерско-просветительной работе» [*Алексеев. Епископ, 52*]. Он лично совершал миссионерские поездки и инспекции школ, после чего следовало обсуждение увиденного им на советах братства и выпускались соответствующие постановления и рекомендации для руководства и учителей инородческих школ.

Особое место занимала неутомимая деятельность по популяризации трудов Ильминского. Епископ Андрей редактировал все запланированные издания этих трудов, публиковал не изданные ранее письма разных лет с вступительным словом к ним профессора П. В. Знаменского.

В 1909 г. возник кружок подвижниц-сотрудниц Братства свт. Гурия при Казанском Спасо-Преображенском миссионерском монастыре (КСПММ). Инициаторами возрождения кружка выступили известные в Казани «добрые христианки, предложившие Братству святителя Гурия свое сотрудничество»¹³. В этом же году кружок приступил к изданию собственного журнала «Сотрудник Братства святителя Гурия» (СБСГ), аналогов которому в Казанской епархии не было ни до, ни после его издания. Фактически журнал стал рупором церкви в лице совета братства и самого еп. Андрея (Ухтомского) как его председателя. Журнал выходил в свет менее трех лет, до конца 1911 г., т. е. до перевода

13. Сотрудниками Кружка первоначально стали семь женщин известных в Казани фамилий, председательствовал в нем сам еп. Андрей, секретарем Кружка стал его сподвижник, преподаватель Казанской учительской семинарии Р. П. Даулей, он же секретарь Братства свт. Гурия.

ладыки в Сухумскую епархию, но «стал весьма заметным событием в деятельности православной миссии, а многие из опубликованных в нем материалов не утратили своей актуальности, практического, научного и теологического значения и по сей день» [Алексеев. *Надежный*]. Издание журнала важно было и для самих миссионеров в связи с неудовлетворительным состоянием миссии и усилением и интенсивным характером деятельности врагов церкви. Миссионерам «...нужны были постоянные указания: что им делать, на что обращать более внимание, чтобы не переживать снова той нравственной растрепанности, какая среди отцов и господ миссионеров наблюдалась в 1905–1906 годах» [Алексеев. *Надежный*].

Редакция журнала начала работу без всяких средств, без готового материала, «только с сознанием необходимости выяснять сынам православной Церкви насущные церковные нужды» [Алексеев. *Надежный*]. Покровительство журналу до самой своей кончины (27.11.1910) оказывал архиеп. Казанский и Свияжский Никанор, он же был автором некоторых статей и заметок. Благодаря трудам сестер-сотрудниц к Казанскому миссионерскому съезду в 1910 г. было выпущено издание, объединившее сразу 30 номеров журнала под общей обложкой и названием «О просвещении приволжских инородцев». Снова, как и во времена Ильминского, трудами еп. Андрея вокруг братства собирались все живые силы церкви и общества для взаимного сотрудничества на ниве миссии и укрепления церковной жизни.

После перевода еп. Андрея в Сухуми в 1911 г. и прекращения издания журнала большинство сотрудниц сестричества «оставались верными делу христианского служения и своему духовному наставнику всю жизнь» [Алексеев. *Надежный*]. За эту верность они были репрессированы в 1933 г., когда еп. Андрей был в заключении, а ОГПУ сфабриковало дело «О контрреволюционной религиозно-монархической организации “Братство святителя Гурия” в Татарской АССР».

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что открытие и деятельность Братства свт. Гурия в Казани тесно и непосредственно связаны с идеями и миссионерской деятельностью Николая Ивановича Ильминского. Именно труды Ильминского стали фундаментом будущей деятельности Братства свт. Гурия, основанного по благословию архиеп. Казанского Антония (Амфитеатрова) в 1867 г. Братство строило свою

деятельность на основании уже частично опробованной и одобренной Синодом миссионерско-просветительской системы, получившей название «система Ильминского». Система была выработана по результатам анализа предыдущей миссионерской деятельности в Казанском крае, ее ошибок и просчетов, и исследования духовно-нравственного состояния инородческого населения края, проведенного архиеп. Григорием (Постниковым) и Н. И. Ильминским в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX века.

Главным в этой системе было приобщение инородцев (сначала крещеных татар, а затем и других народов) к Церкви Христовой через просвещение и воспитание, проповедь и богослужение на их родных языках, через личное свидетельство о Христе, пример личной христианской жизни по вере. Самым убедительным был пример учителей и священников из среды самих инородцев, поэтому их подготовке уделялось особое внимание. Затем, уже как следствие обретения веры, происходило добровольное приобщение инородцев к русской православной традиции, русскому языку и культуре, и тем самым сближение их с русским народом, что было прямо противоположно предыдущим методам формального крещения и насильственного обрусения.

Отношение к инородцам как к братьям и сестрам во Христе способствовало укреплению доверия между русским и инородческим населением. Особая доверительная атмосфера братских школ, ставивших на первое место задачи христианского воспитания в свободе, личной ответственности и постоянном труде, обучение без принуждения и насилия способствовали появлению творческой инородческой интеллигенции. Из братских школ выходили люди верующие, достойные и грамотные, которые становились добрым примером для соотечественников, свидетелями веры для своих родных и односельчан.

Миссионерская деятельность братства успешно развивалась в первые 25 лет его существования, до 1892 г. Благодаря усилиям братства и поддержке Казанских архиереев к началу 90-х гг. сложилась четкая структура народной школы, с учителями, подготовленными в специальных учебных заведениях, с собственной учебной и методической базой. С 1870 г. система Ильминского была принята для обучения инородцев во всех регионах России. Просветительская деятельность школ способствовала распространению христианства, а также развитию национальных языков и культуры, сближению местных народов (татар, башкир, киргизов, чувашей, марийцев и др.) с русским народом. Благодаря

Ильминскому и Братству свт. Гурия появилась целая плеяда достойных и образованных священников из инородцев¹⁴, новые православные храмы, богослужение, чтение Священного писания, проповедь в которых совершались на инородческих языках. Дело просвещения поддерживала широкая переводческо-издательская деятельность братства, которой занималась Переводческая комиссия Православного миссионерского общества, основанная при совете Братства свт. Гурия в 1875 г. и охватывающая своей деятельностью всю территорию Российской империи. Таким образом, деятельность братства способствовала развитию и укреплению миссионерского дела не только в Казанском крае, но и по всей России.

После смерти Ильминского для братства наступил период испытаний, связанный (в результате изменений устава в 1883 г. и в 1898 г.) с потерей автономии, свободной выборности председателя и совета братства, потерей авторитета братства у церковного руководства и всего общества. Под руководством часто сменяющихся друг друга викарных епископов братство все более стало принимать вид и характер казенного учреждения. Его финансовое состояние также пришло в упадок, что привело к необходимости закрытия части братских школ и потере опытных учителей из-за невозможности платить им достойную зарплату.

В 1907 г. еп. Андрей (Ухтомский), ставший председателем Братства свт. Гурия¹⁵, оказался его настоящим спасителем, своим авторитетом и энергией он сумел уберечь его от разорения, потери школ и полного угасания деятельности. Будучи горячим сторонником и последователем Ильминского, еп. Андрей восстановил преподавание в братских школах по его системе, всячески заботился об издании его еще не изданных трудов, отстаивал в печати его доброе имя. Созванный в Казани в 1910 г. (во многом благодаря усилиям еп. Андрея) миссионерский съезд пришел к выводу, что только школы, преподавание в которых ведется по системе Ильминского, могут бороться с наступательным движением ислама. Съезд принял постановления, имевшие целью утвердить и развить систему Ильминского. Журнал СБСГ под редакцией еп. Андрея стал фактически рупором церкви, органом, помогавшим Братству свт. Гурия собирать все живые силы церкви и общества для служения святому делу миссии, как это было

14. Первый из них — татарин Василий Тимофеев.

15. В связи с рукоположением в епископа Мамдышского, викария Казанской епархии.

во времена Ильминского. С переводом еп. Андрея в Сухуми в 1911 г. в братстве снова наступил кризис, что следует из скудных свидетельств последних лет (братство было принудительно закрыто в 1918 году).

Таким образом, в эволюции миссионерского Братства свт. Гурия прослеживаются четыре периода:

1) с 1867 по 1892 г. — успешный период становления и развития миссионерского дела по системе Ильминского в Среднем Поволжье и за его пределами (при жизни Ильминского);

2) с 1893 по 1907 г. — время перипетий, нестроений и угасания деятельности в результате передачи управления братством в руки епархиального начальства, потеря Переводческой комиссии и Противораскольничьего отделения;

3) с 1907 по 1911 г. — восстановление деятельности, авторитета и влияния братства в деле миссии (под председательством еп. Андрея (Ухтомского)); издание журнала СБСГ;

4) 1912–1918 гг. — повторный кризис вплоть до беспрепятственного закрытия братства в ряду других православных братств после октябрьского переворота 1917 года.

Судьба такого церковного явления, как Братство свт. Гурия Казанского, иллюстрирует церковную и общественную ситуацию в русском обществе конца XIX — начала XX в., уникальную своим культурным, философско-нравственным, духовным поиском свободы, справедливости, человеческого братства. Эволюция братства — один из примеров поиска духа и смысла христианской жизни, подлинного миссионерского служения в рамках Русской православной церкви, с пониманием церкви как одушевленного тела Христова, а не как государственного казенного учреждения, чем во многом в синодальный период она и являлась. На примере братства мы видим, что миссия расцвела там и тогда, где и когда это служение несли люди, способные являть миру Свет Христов, который жил в них самих, вне зависимости от того, мирянин это был или епископ. Миссия теряла качество, затухала, как только встречалась с формализмом и казенным подходом к делу. Эволюция братства отражает эти изменения: успешный рост и развитие миссии в первые 25 лет его существования (при участии Ильминского), спад деятельности почти до полного затухания к 1908 г., выход из кризиса и подъем деятельности под председательством еп. Андрея (Ухтомского) — до конца 1911 г., новый кризис вплоть до закрытия братства в 1918 году.

Стремление к устройению всего общества как Церкви Христовой на земле характерно для духовных поисков конца XIX — начала XX в. в России. Вера в то, что такое устройство возможно, основывалась не только на вере в Бога, но и на вере в человека, на той особенности русского общества, которой впоследствии нашел определение Н. А. Бердяев: коммюнитарность, т. е. способность к общности, к опосредованному Богом межличностному общению. И хотя в XX в., по выражению Бердяева, социалистический дух интернационализма подменяет христианский дух вселенскости, те подлинные духовные течения, которые обогатили Русскую церковь на рубеже веков, никуда не исчезли, они продолжают питать духовное русло ее жизни и сейчас, пока жива на земле Церковь Христова.

Источники и литература

1. *Алексеев. Епископ* = Алексеев И. Е. Епископ Андрей (князь А. А. Ухтомский) как продолжатель дела Н. И. Ильминского в Казанской епархии // *Материалы научно-практической конференции, посвященной 190-летию Н. И. Ильминского «Н. И. Ильминский — просветитель народов России»*. Казань : Тип. ООО «Авента», 2012. С. 47–62.
2. *Алексеев. Надежный* = Алексеев И. Е. Надежный «Сотрудник». URL: http://ruskline.ru/analitika/2009/12/29/nadyozhnyj_sotrudnik/ (дата обращения: 15.06.2015).
3. *Беленчук* = Беленчук Л. Н. О просвещении народов России во второй половине XIX — начале XX в. // *Вестник ПСТГУ*. 2006. Вып. 2. С. 22–36. (Педагогика, Психология; IV).
4. *Зеленин* = Зеленин Д. К. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев : К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского, 27 дек. 1901 г. СПб. : Русская школа, 1902. № 2. С. 175–194.
5. *Зеленецкий* = Зеленецкий В. Очерки миссионерской деятельности некоторых казанских архипастырей. Архиепископ Антоний // *Православный благовестник*. 1901. № 15. С. 281–288.
6. *Знаменский* = Знаменский П. В. На память об Н. И. Ильминском : К 25-летию Братства святителя Гурия. Казань : Братство свт. Гурия, 1892. [4], IV, 403 с.
7. *Известия* = О будущей деятельности Братства свт. Гурия // *Известия по Казанской епархии*. 1907. № 41. С. 1263.
8. *Износков* = Износков И. А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1909. 38 с.

9. *Из отчета обер-прокурора* = Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. СПб., 1871. 70 с.
10. *Ильминский* = Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений. Казань : Тип. М. Чирковой, 1892. 135 с.
11. *Комаров* = Комаров Н. И. Казанское Братство Святителя Гурия // Православный благовестник. 1893. № 3. С. 15–21; № 10. С. 17–24.
12. *Концепция* = Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/church-mission/introduction/> (дата обращения: 15.05.2015).
13. *Машанов. Обзор* = Машанов М. А. Обзор деятельности Братства свт. Гурия за двадцать пять лет его существования, 1867–1892 гг. Казань : Тип.-лит. Имп. ун-та, 1892. 256 с.
14. *Машанов. Ответ* = Машанов М. А. Ответ на доклад «Чрезвычайной ревизионной комиссии Братства свт. Гурия». Казань : Центр. тип., 1905. 18 с.
15. *Машанов. Религиозно-нравственное состояние* = Машанов М. А. Религиозно-нравственное состояние крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1875. 70 с.
16. *Понятов* = Понятов А. Н. Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в. : Дисс... канд. ист. наук. Казань : Институт Татарской энциклопедии АН Республики Татарстан, 2007. 286 с.
17. *Рождествин* = Рождествин А. С. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань : Тип.-лит. Имп. ун-та, 1900. 85 с.
18. *Смирнов* = Смирнов И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. Т. 47. № 3. С. 752–765.
19. *Смоленский* = Смоленский С. В. В защиту просвещения Восточно-русских инородцев по системе Н. И. Ильминского / Издание общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. Вып. 14. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 58 с.
20. *Устав 1867* = Устав «Братства святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе, 1867 г. // Известия по Казанской епархии. 1867. № 6. С. 161–168.
21. *Устав 1898* = Устав «Братства святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе, 1898 г. Казань : б. и., 1899. 21 с.
22. *Таймасов* = Таймасов Л. А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.

23. *Чехов* = Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М. : Книгоизд-во «Польза», 1912. С. 175–185.
24. *Чичерина* = Чичерина С. В. О приволжских инородцах и современном значении системы Н. И. Ильминского : Доклад, читанный в Общем Собрании Общества Востоковедения. СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 39 с.
25. *Яковлев* = Яковлев И. Я. Моя жизнь. Воспоминания. М. : Республика, 1997. 696 с.

N. K. Chernyshyova

The Evolution of the Activity of St. Gury of Kazan Brotherhood (in the late XIX and early XX Century)

The present article is focused on the missionary and educational activities of St. Gury Brotherhood founded in 1867 in Kazan. The author also analyses the contribution of N. I. Ilminsky to the Brotherhood's work and the negative changes in it after his death. The Brotherhood was engaged in educating non-Russian population in Kazan and neighbouring dioceses through opening primary missionary schools in languages of minor nationalities, translating and publishing books, training teachers and priests from among indigenous dwellers, assuming responsibility for churches and orthodox worship for baptized non-Russian people in their native languages, etc.

KEYWORDS: mission, education, minor nationalities, St. Gury of Kazan Brotherhood, N. I. Ilminsky.